

Моск. новости. — 1989. — 19 марта (№2) — с. 11

Место встречи — «закрытый» город Горький

Фестиваль, посвященный творчеству композитора Альфреда Шнитке

Семь дней подряд этот человек с кротким лицом отшельника под гром оваций поднимался после концертов на сцену, благодарил исполнителей, кланялся публике, а та продолжала рукоплескать и не желала расходиться.

Жизнь в Горьком сладкой не назовешь: в магазинах пусто, транспорт же переполнен, бывший купеческий Нижний Новгород, выстроенный с размахом и основательностью, на глазах осыпается и ветшает. Но кто сказал, что вольный дух города, его порыв к красоте, запечатленный в ампире и барокко, выветрился или иссяк? Толпы людей, осаждавших в дни фестиваля Шнитке скромный зал консерватории и вместительную, на тысячу мест, филармонию, дают на этот вопрос абсолютно однозначный ответ. Это был полный триумф музыки, которую считают сложной и даже архисложной.

Разумеется, серьезная музыка требует душевных усилий. Но коль скоро они затрачены, человек способен не скажу понять — гений исчерпаем — приблизиться к пониманию того трагического мира, которым живет музыка Шнитке. Мира, в котором зло многолико, а добро одиноко, но оно существует, иначе жизнь прекратилась бы вовсе. Мира, в котором прелестное сопрано Нелли Ли («Три сцены») не в силах противостоять похоронной поступи ударных; в котором в неравной борьбе с безжалостной силой оркестра изнемогает и гибнет отважный альтист (Юрий Башмет

в посвященном ему альтовом концерте — неповторимая страница фестиваля); в котором хор плачет о падших и жаждет искупления («Стихи покаянные» — одно из последних сочинений Шнитке на слова неизвестного автора XVI века, приношение композитора 1000-летию крещения Руси); в котором человека, продавшего душу дьяволу, ждет неминуемое возмездие («История доктора Иоганна Фауста»).

В зале стояла такая наэлектризованная тишина, когда впитывается каждый звук, каждая нота, когда музыка, исполнитель и слушатель составляют одно целое.

«Закрытый» город Горький (по этой причине или — другое объяснение — в связи с поздно полученными документами на фестиваль не были допущены представители Би-би-си, снимающие фильм об Альфреде Шнитке) оказался совершенно открыт для самой сердечной встречи соотечественников.

Когда в завершение фестиваля было объявлено, что Четвертый концерт для скрипки с оркестром, посвященный автором Гидону Кремеру, исполняет Гидон Кремер, зал взорвался аплодисментами и по рядам прошелестело: «Англичанин» — настолько экзотично для русского уха имя уроженца Риги и настолько неизвестна судьба этого скрипача с мировой славой, уехавшего из страны в конце 70-х годов, остающегося советским гражданином и долго добивавшегося возможности концертировать в СССР.

С блеском сыграв свою партию вместе с несколько оробевшим, но достойно выдержавшим испытание оркестром Горьковской филармонии под управлением молодого дирижера Владимира Зивы, Кремер обратился к залу с краткой речью.

— Двадцать лет назад, когда я предложил родному городу сыграть сочинения Шнитке, я получил в ответ телеграмму: «Шнитке нам не нужен. Играйте Бетховена». Но Земля вертится. Прием, который горьковчане оказали Альфреду, и вся атмосфера фестиваля показали, что он нам очень и очень нужен.

Городские власти вручили композитору почетную грамоту, а филармония — огромную расписную ладью, изделие хохломских умельцев. Министерство культуры и Союз композиторов знаками внимания героя фестиваля не удостоили; единственное приветствие, поступившее из Москвы в Горький, носило характер «неформальный» — от друзей по миру культуры: Андрея Битова, Фазиля Искандера, Николая Самвеляна, Дмитрия Лихачева, митрополита Филарета, Булата Окуджавы и «всех остальных».

Альфред Шнитке определил наше время как время встреч. Разные стили в искусстве были и будут, но сейчас они обращены друг к другу, они ведут диалог. Конечно, завтра может возникнуть новая реальность, но нынешний взаимный разговор обещает дать много полезного.

Ольга МАРТЫНЕНКО.